

Союз «Женщины Дона»

346410, Dubovskogo, 24,
Novocherkassk, Rostovskaya obl.
Tel. +7(8635)22-48-15;
Fax +7(8635)22-46-82
donwomen@novoch.ru
www.donwomen.ru

346410, ул. Дубовского, 24,
Новочеркасск, Ростовская область
Тел. +7(8635)22-48-15;
Факс +7(8635)22-46-82
donwomen@novoch.ru
www.donwomen.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 3 (74) 2011 год

издан в рамках проекта

“Права человека для женщин - Включить в сферу внимания”
при поддержке Представительства Европейского Союза в России

В НОМЕРЕ:

ПОЛИТИКА И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО. МИССИЯ – НЕВЫПОЛНИМА?	2
Гендер для «чайников». Продолжение	
РОЖДЕНИЕ НА ГРАНИ	8
Статья Тамары Чагаевой	
ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ НА НЕКОТОРЫЕ СЕМЕЙНЫЕ НЕУРЯДИЦЫ.....	14
Эссе Елены Сердюковой	
КОРМЯЩАЯ ЖЕНА И МАЛОЛЕТНИЙ МУЖ.....	17
Галина Петриашвили	
ПРО ЛЮБОВЬ.....	19
Маша Трауб	

Гендер для «чайников»

ПОЛИТИКА И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО. МИССИЯ – НЕВЫПОЛНИМА?

Продолжение. Начало см. в вестнике №2

Слово «гендер» знают далеко не все. А те, кто слышал и даже иногда его употребляет – правильно ли они понимают истинное значение «гендера»? Не говоря уже о гендерной политике, гендерной идеологии, гендерном равенстве. А понимают ли вообще, к чему всё это? Сегодня наш ликбез на гендерную тему – для «чайников»: пусть не новичков в этом деле, но людей, желающих получить подробное и всестороннее знание о предмете. А для этого нужно начать с начала.

«СТЕКЛЯННЫЙ ПОТОЛОК»,
«ПОЗИТИВНЫЕ МЕРЫ»
И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА равенства

Победить дискриминацию в трудовой сфере одними запретами не удастся, поскольку это сложное экономическое, социальное и культурное явление не поддается однозначной трактовке и решению. Кроме того, она существует в разных формах: не только в виде прямой, но и скрытой форме, как принято говорить, косвенной, дискриминации. Поэтому первой задачей становится обнаружение этих неформальных, невидимых подчас механизмов и практик.

Экономическая сущность такой скрытой трудовой дискриминации проявляется в сегментации рынка труда на «мужские и женские отрасли. При этом женщины в большинстве своем сосредоточены в менее оплачиваемых отраслях, бюджетной сфере, легкой промышленности. Соответственно, результатом этого становится неравенство доходов и статуса при формально равном доступе к образованию и рабочим местам. Это мировое явление, получившее на-

звание горизонтальной сегрегации рынка труда, формировалось в России в течение очень длительного времени и под воздействием многих факторов. По данным Федерального агентства по статистике, заработные платы женщин составляют в среднем 60% заработной платы мужчин, и тенденция к разрыву, по исследованиям экономистов, увеличивается. Право на равное с мужчинами вознаграждение за свой труд, гарантированное законом, оказывается под вопросом. Как часто в публичных дискуссиях даже от женщин можно слышать утверждения о надуманности проблемы дискриминации, поскольку, мол, в своей трудовой биографии они ее никогда не испытывали. Это и понятно, ведь если работали они учительницами, врачами, преподавателями вузов, какое уж тут ограничение прав, работай, вот только материальные результаты труда оставляют желать лучшего. Как метко замечено известным российским социологом, «косвенным показателем престижа профессии в нашей стране является количество женщин в этой профессии, чем их больше, тем ниже престиж».

И другой вопрос можно задать: «А на должность директора, декана или ректора претендовали когда-нибудь?». Прямых, формальных запретов занимать руководящие должности, конечно же, нет. Но почему по данным той же статистики, среди всех преподавателей вузов женщин - 70%, среди деканов их уже 30%, ну а ректоров - 7%. Значит не все в порядке с равными возможностями в профессиональном росте и карьере? Не случайно, эта форма скрытой дискриминации получила название в мировой практике «стеклянный потолок», когда женщины не могут продвинуться по служебной лестнице и занимают только низшие, исполнительские должности.

Между тем уровень образования российских женщин еще с советских времен превышает в среднем образовательную подготовку мужчин. Но даже в тех сферах, где женщины составляют подавляющее большинство наемных работников, они не занимают руководящих постов. Государство как работодатель показывает отрицательный пример бизнесу. На государственной службе женщин значительно больше, чем мужчин, 70%, а вот на высших руководящих постах в федеральных органах власти их всего 13%, и на уровне регионов – 30%. В правовом смысле эти ограничения означают, что два базовых обязательства, право на равное вознаграждение и право на продвижение в должности, не соблюдаются.

Сложности с решением проблемы косвенной дискриминации заключаются и в том, что у нее имеются объективные причины. Для повышения квалификации необходимо время, чем женщины в силу своих домашних и материнских обязанностей часто не располагают. На разрыв в оплате труда влияет разница в продолжительности непрерывного стажа мужчин и женщин. Перерыв на рождение и уход за маленьким ребенком прерывает профессиональное развитие, женщины теряют квалификацию, после выхода из декретного отпуска уже требуется переобучение.

Можно ли решать проблемы неформальной дискриминации с помощью государства? Понятно, что сложные задачи требуют тщательно продуманных, специальных мер государственной политики, тех, которые могли бы препятствовать постоянному воспроизводству ее. Очевидно, что, кроме того, государство может своей политикой создавать условия для выравнивания экономических возможностей женщин и мужчин, предпринимать меры по повышению конкурентоспособности женщин.

Определить реальную стратегию российской власти в области гендерной политики оказывается не так легко, поскольку идейные установки власти оказываются противоречивы и непоследовательны. В первой половине 1990-х годов можно сказать, что тон задавали либералы, исходившие из того, что государство гарантирует юридическое равноправие полов, этого в условиях рыночной экономики вполне достаточно для свободной реализации возможностей и жизненных планов мужчин и женщин. На вопрос «Почему же в реальности женщины не добиваются такого же экономического статуса, как мужчины?», у российских либералов есть ответ. Оказывается в силу разных, «природой обусловленных», социальных ролей и функций, мужчины стремятся к карьере, а женщины, в большей части, только к самореализации в семейной жизни.

С середины 2000-х годов, когда государство озаботилось демографической проблемой, советская риторика «защиты женщины-матери» с предоставлением ей особых прав в соответствии с их материнскими функциями вновь вернулась. Гендерная политика советского образца рассматривала женщин как особую социально-демографическую категорию, нуждающуюся в специальной защите для выполнения ими функции по воспроизводству нации. Поэтому система льгот, пособий, отпусков по уходу за ребенком, ограничения применения женского труда на определенных производствах и видах работ было включено в протекционистское

трудовое законодательство. Нынешняя реальная, а не декларативная политика государства, по сути, пытается соединить и советский традиционализм, и классически-либеральный подход к решению гендерных проблем.

Главный официальный документ последних лет называется «Национальный план по улучшению положения женщин», определявший шесть основных областей государственного регулирования. Среди них дословно обозначено следующее: «методическое и информационное обеспечение политики улучшения положения женщин; положение женщин на рынке труда; улучшение условий и охраны труда женщин; охрана здоровья женщин; развитие системы социального обслуживания женщин, оказания помощи женщинам, пострадавшим от насилия; укрепление семейных отношений». Официально отвечают за гендерную политику в стране два органа власти. Это Комитет Государственной Думы по вопросам женщин, семьи и молодежи и на уровне исполнительной власти - Департамент медико-социальных проблем семьи, материнства и детства в Министерстве здравоохранения и социального развития. Названия официального документа, как и названия структур, отвечающих за «гендерный вопрос», позволяет судить о приоритетах государственной политики. «Женщины и дети» - надо писать в одно слово, как было остроумно замечено, это и есть основной объект государственного внимания. Упоминаний о проблемах равенства, преодолении дискриминации на рынке труда, политическое участие женщин, как видим, нет в перечисленных направлениях Национального плана. Как и в советские времена, государство оказывается больше всего озабочено не гендерным равенством, а улучшением положения женщин, преимущественно, с точки зрения их материнской функций. По убеждению сторонников протекционистского подхода к проблеме, государство обязано заботиться о соблюдении материнских прав женщин, приспособивая их

занятость к выполнению своей гражданской обязанности по воспитанию детей. Понятно, что в этой логике обеспечение реальных трудовых прав и возможностей женщин, их шансов на профессиональную карьеру и на участие в государственном управлении не входит в приоритеты реальной политики государства. Так последняя программа стимулирования рождаемости с помощью «материнского капитала» даже не рассматривает главную проблему, неизбежно встающую перед женщинами с детьми: сочетание работы и семьи. Все остается строго распределено по традиционным сферам. «Мужчинам - работа, женщинам - забота» - вот лозунг, близкий традиционалистам разных направлений. В середине 1990-х тогдашний министр труда «прославился» показательным высказыванием такого рода: «Зачем нам создавать рабочие места для женщин, когда у нас мужчины без работы». А теперь недавний глава верхней палаты парламента С. Миронов предлагает ввести семейное пособие женщинам - домохозяйкам, поддержать их «естественную роль матерей, а мужчин таким образом стимулировать быть кормильцами». Очевидно, что подобная «защита» совсем не соответствует устремлениям большинства образованных российских женщин. Пожалуй, решение главной жизненной дилеммы современной профессиональной женщины служит, во многом, показателем развития реальной политики равенства в стране.

Какая же политика может на самом деле вести к утверждению гендерного равенства? В нашей стране женские организации, феминистские группы и эксперты, опираясь на успешный мировой опыт, отстаивают другой подход к гендерной политике. Подход, получивший название «эгалитарный» (от фр. *egalite* - равенство), то есть нацеленный на выравнивание реальных возможностей и статусов женщин и мужчин. Он противостоит, как классически - либеральному принципу гарантий только формально-правового равенства, так и протекционистской заботе государства о женщинах исключительно в их материнской функции. Государство долж-

но не только строго наказывать за прямую дискриминацию, ущемление прав женщин в какой-либо сфере, но и проводить специальную политику, способствующую повышению конкурентоспособности женщин на рынке труда, обеспечивающую их доступ к престижным работам и должностям. Политика имеет самые разные направления, как в экономической, так и в социальной областях.

В сфере труда внимание государственных служб должно быть сосредоточено на создании условий для повышения квалификации в любом возрасте, что особенно актуально для профессиональной карьеры молодых матерей, прерывавших работу в связи с беременностью и уходом за ребенком. Формы и методы осуществления новых практик достаточно разнообразны. Сюда могли входить пересмотр правил подбора персонала из особых групп, специальные обучающие программы профессионального роста для женщин.

Традиционные представления о «естественном» разделении труда между мужчинами и женщинами, об исключительной женской ответственности за воспитание детей и ведение домашнего хозяйства очень сильно препятствуют, как известно, созданию одинаковых конкурентных условий на рынке труда. Как показал опыт многих стран, с помощью специальных мер можно влиять на ситуацию в сфере профессиональной занятости, предоставив реальные шансы женщинам к реализации своих способностей и квалификации.

Новые программы равенства, учитывающие разные жизненные условия мужчин и женщин, стали называться «позитивными действиями». Речь шла о том, чтобы женщины, имевшие необходимое образование и квалификацию по какой-либо специальности, могли беспрепятственно строить свою карьеру, продвигаться по служебной лестнице, становиться руководителями. Новый принцип не только способствовал разрушению системы гендерных предубеждений, но и позволяет искоренять не-

видимые, неосознанные механизмы воспроизводства дискриминации. Именно эти скрытые барьеры, механизмы неприятия, даже травли со стороны коллектива не позволяют многим женщинам даже претендовать на руководящие позиции, заранее отказываясь от конкурентной борьбы. Точно отметила такую ситуацию в исследовательском интервью менеджер крупной фирмы: «Когда я вышла на уровень руководства, я впервые поняла, что значит быть женщиной, когда все мужчины, начиная с электрика, требовали доказательств, что ты на что-то способна, каждый день доказывать, что просто соображаешь, о чем говоришь. На это уходят силы и энергия».

Отказ от предубеждений в отношении женского руководства свидетельствовал о более эффективном менеджменте, о полноценном использовании потенциала всех сотрудников, вносил новые ценности и разнообразие, существенно обновлял корпоративную культуру. Фактически новая политика становится экономическим требованием постиндустриальной эпохи. В рамках этой стратегии, во-первых, государство в качестве работодателя становится примером ликвидации «стеклянного потолка» для женщин на государственной службе. А во-вторых, имеет финансовые рычаги для стимулирования и поощрения частных компаний, принимавших подобные специальные программы продвижения компетентных женщин на руководящие посты. Во многих странах специальные меры правительственной поддержки в получении кредитов, аренды оборудования и техники обеспечили радикальный рост женского предпринимательства в малом и среднем бизнесе.

Но для женщин встает и другой важный вопрос при реализации профессиональных устремлений, помимо скрытых барьеров и прямой дискриминации. Забота о детях. Если государство заинтересовано в реальном гендерном равенстве, то его социальная политика должна строиться таким образом, чтобы создать условия для совмещения семейных и профессиональных обязанностей женщин.

Почему Гру Харлем Брундланд, мать четверых детей, смогла стать премьер-министром Норвегии? Конечно, прежде всего, потому, что у нее оказались способности политика, она получила хорошее образование и добилась профессиональных успехов в своей деятельности, а ее коллеги по Рабочей партии не препятствовали ее карьере. Но был другой существенный фактор, который позволил Брундланд, как и многим женщинам, имеющим трех и более детей, добиться высоких постов в парламентах, правительствах, бизнесе во всех Скандинавских странах. Этим фактором стала социальная политика гендерного равенства. Государство помогло женщинам не отказаться от своих планов в карьере, когда они воспитывали детей.

В свое время социал-демократические правительства Швеции, Норвегии и Финляндии сосредоточили свои усилия в семейной политике на тех программах, которые должны были помочь обоим родителям иметь возможность зарабатывать, перераспределять семейные обязанности, делить поровну ответственность за воспитание детей. Для этого, в первую очередь, была создана система бесплатных детских дошкольных учреждений, доступных всем гражданам без ограничений.

Система, хорошо известная в нашей стране советским женщинам, к настоящему времени оказалась практически разрушенной в период трансформаций. Детских дошкольных учреждений, внешкольных центров у нас катастрофически не хватает. О каких возможностях можно вести речь сегодня, когда в большинстве регионов очередь в детские сады состоит из 8 человек на одно место? Многие женщины записываются в них, будучи беременными, но, скорее всего, они получают это место, когда их ребенок пойдет во второй класс. Ну а платить за частный детский сад или няню не по карману даже семье со средним доходом.

Важная особенность социальной эгалитарной политики заключена в том, что в центре ее внимания оказывались оба родителя. В отличие от советского протекционистского трудового законодательства, выделяющего в особую категорию работающих матерей, Конвенция МОТ, как известно, требует соблюдения прав наемных работников с семейными обязанностями, поэтому оба родителя должны находиться в одинаковых условиях перед работодателем. Родительский отпуск по уходу за ребенком стимулировал более активное участие отцов в воспитании детей, поскольку выплачивался полностью только при условии, что им воспользуются оба родителя. В Швеции уже около 35% отцов пользуются своим правом оставаться дома с больным ребенком. Установленное законом обязательство работодателей предоставлять возможность гибкого рабочего графика и сокращенного рабочего дня для работающих родителей, социальное страхование, пенсионное обеспечение, выплаты работающим матерям и домохозяйкам, пособия на детей, покрывающие большую часть семейных затрат, специальные программы поддержки одиноких родителей, все направления социальной политики оказываются связаны с решением задач равенства полов. Равная ответственность за воспитание детей, перераспределение семейных обязанностей создавало новую модель равноправных отношений полов, как в публичной, так и семейной жизни, меняло гендерную культуру страны. От пожилых мужчин – профессоров в Норвегии и Швеции не раз приходилось слышать сетования на то, что их молодые коллеги – мужчины посвящают меньше времени своей карьере, поскольку «слишком заняты своими детьми». Это «слишком» на практике означает, что теперь их жены уделяют столько же времени своей профессиональной самореализации, как их мужья. Ни один вопрос, связанный с важными жизненными интересами женщин и мужчин, не может не быть в зоне внимания общей гендерной политики. Так в нашей стране правитель-

ственная реформа по реструктуризации социальной сферы в 2005 году была проведена без учета гендерных аспектов проблем. В итоге, монетизация социальных льгот и изменения системы их распределения ухудшили, по данным исследователей, положение женщин-пенсионеров и инвалидов, отрицательно повлияли на положение одиноких и многодетных матерей. Гендерный подход требуется и при решении драматичной проблемы «феминизации бедности», то есть преобладания женщин среди россиян с доходами ниже прожиточного минимума. При разработке правительственных мер, по мнению сторонников эгалитарной политики, нужно тщательно анализировать особенности положения и потребностей разных групп женщин, относящихся к наиболее беднейшим слоям населения. Простые решения в виде предоставления денежных пособий не меняют ситуацию объективного отставания квалификации женщин в связи с перерывами в профессиональной деятельности, связанной с рождением детей.

Для государства, всерьез озабоченного тем, чтобы у всех людей были равные шансы на благополучие и равенство, нет незначительных вопросов, в том числе и тех, которые когда-то были незначимы и даже невидимы вовсе. Такой серьезной «специальной» государственной темой, ставшей видимой для общества только под влиянием женского движения, стала проблема домашнего насилия. Феминистские организации настояли на том, чтобы в международные правовые нормы было включено положение об обязанности государства гарантировать право человека на безопасность в частной жизни, точно так же, как и в публичной сфере. По данным социологов, больше половины российских женщин (56%) сталкиваются с физическим насилием, а около 80% с психологическим насилием в семьях, а десятки тысяч женщин в итоге ежегодно погибают в семьях. Известная правозащитная организация отчет о домашнем насилии в нашей стране назвала «Некуда бежать». Многие жен-

щины, рассказывающие свои трагические истории, даже не осознавали, что у них есть право на жизнь без насилия, оно выглядело в их глазах традиционной нормой, было слишком привычным. Женские организации больше пятнадцати лет стремятся привлечь внимание правоохранительных органов к этой проблеме. Международная и российская практика показала, что нормы общего уголовного права плохо работают против домашнего насилия. Что могут услышать защитники прав женщин в милиции? «Избивает, конечно, но это их частное дело».

В странах, где были приняты отдельные законы против насилия в семье, государство официально заявило – если ты бьешь свою жену, то это не только ваши личные дела, это нарушение прав личности, то есть преступление против всего общества, поэтому оно подлежит уголовному преследованию. Только путем выделения в отдельное преступление удастся создать действенный механизм наказания за «невидимые» прежде преступления, совершаемые за закрытыми дверями дома. В нашей стране законопроект о домашнем насилии уже более десяти лет ждет своего рассмотрения в Госдуме. Подобный закон вносит принципиально новый политический момент, ликвидация насилия в семье относится к сфере защиты фундаментальных прав человека на жизнь, безопасность и свободу, говорить о равенстве без этого бессмысленно.

Эгалитарная государственная политика может стать по настоящему влиятельной, когда правительственные проекты и программы будут оцениваться с точки зрения ее возможных последствий для женщин и мужчин. Тогда их интересы, реальные возможности и различия в условиях жизни станут частью стратегии равенства на деле.

Людмила Попкова

(Окончание в следующем выпуске)

РОЖДЕНИЕ НА ГРАНИ

В роддомах часто забывают, что ребенок появляется на свет не от врачей и акушерок, а только от матери.

Не думала, что эту статью так трудно будет писать. Казалось бы, что там писать: в республике родильных домов не так много, все они на виду. Жизнь в них протекает привычным, давно сложившимся образом. Бывают, правда, случаи, о которых пресса стыдливо умалчивает. Они, как правило, становятся достоянием бабушек на скамейках да домохозяйек: поговорят, поговорят и перестанут. До следующего раза. И одному Богу известно, кого подобное коснется в следующий раз.

Честно признаюсь: перебрала несколько вариантов изложения того материала, который удалось собрать. Сначала попыталась призвать на помощь статистику, тем более, что демографическая ситуация у нас, судя по цифрам, зашкаливает, соответственно, и медицина на этом фоне по определению должна выглядеть достойно: раз случился демографический всплеск, значит, есть и условия для принятия в этот мир новых граждан.

Потом, уже собрав кучу материала, решила, что делать этого не буду: выяснилось, что слишком много в этой куче боли, слез, обид и абсолютного неприятия тех методов, которые на сегодняшний день существуют в роддомах.

Был также соблазн изложить материал таким, каким его поведали бывшие роженицы, что называется, с адресами и телефонами. Это тоже мне показалось неприемлемым,

поскольку данный материал могут прочитать будущие мамы, которым сегодня-завтра придется отправиться в те самые родильные отделения, рассказы о которых собираюсь обнародовать. Тем более что далеко не у всех есть возможность заблаговременно отправиться в первопрестольную, чтобы произвести на свет ребенка в достойных условиях. Таким образом, получалось, как в поговорке: куда ни кинь, повсюду клин.

И еще одно обстоятельство мешало писать. Почему-то у нас принято стыдливо опускать глаза, когда произносится слово «роддом». Появление на свет человека покрыто некой тайной, доступ в которую закрыт до того момента, пока его, запеленатого, не вынесут из стен данного учреждения. Поэтому сдерживала себя в части описательной, стараясь не вникать в подробности. Как только мать с еще не родившимся ребенком оказывается на той самой территории, где уже по определению им должны оказать все условия, чтобы новый человек благополучно вступил в этот мир, они оба оказываются (чуть не сказала, в заложниках) во власти женщин, которые когда-то сами рожали или кому предстоит рожать.

Казалось бы, кому, если не им, помочь той, которую доставляют к ним? Той, кто в муках мечется, ловя каждый участливый взгляд, каждое ласковое слово?

Когда просматривала записи, сделанные в разное время, пришла к выводу, что из них вполне могла бы получиться отдельная книга. И ее стоило бы написать и выпустить, но не для всеобщего чтения, а как некий памятник человеческой жадности, равнодушию, как памятник застеночности души и непрофессионализма. И подарить эту книгу следовало бы каждому работнику родильного дома: санитаркам, акушеркам, просто медсестрам и, конечно, гинекологам.

Берите, читайте, ищите в этих образах собственные черты, описание своих поступков, повального издоимства, собственной жадности, равнодушия...

«Я слышала, как под окном рыдает мама, и ощущала острую боль, когда меня зашивали...»

Случай, приключившийся с молодой женщиной (назовем ее Заремой) не может не тронуть даже обросшее черепашьим панцирем сердце. Итак, в роддом она попала как нормальная роженица: по всем показаниям, никаких патологий у нее не было, анализы хорошие, и, что немаловажно, у нее это были не первые роды. Сразу отметим, что нужная сумма в первые же минуты ее пребывания в роддоме уже перекочевала в карман заведующей, и теперь оставалось только дождаться благополучного появления малыша на свет. А так как сам по себе он появиться не мог, то ожидалась полагающаяся помощь от персонала роддома. Все, как говорится, проплачено. Голос у заведующей – ласковый, даже нашла время прийти и посидеть рядом, подбодрила.

Сообщила, что Зарема уже готова к тому, чтобы произвести малыша на свет. Сделала нужные назначения. Через некоторое время в палате появилась медсестра, поставила капельницу, дала таблетки. Все, казалось бы, шло своим чередом. По совету медсестры, Зарема решила поспать. Ближе к обеду проснулась от боли – начались схватки.

- Уже началось. Скоро родишь, - сообщила медсестра.

Боли усиливались, промежуток времени между ними сокращался. А так как Зарема категорически отказалась от популярной здесь операции (кесарево сечение), было сказано ждать и терпеть до последнего. Время шло. Час, два, три... Измученная, с испариной на лбу, Зарема выдавила из себя:

- Позовите заведующую.

Ей сообщили:

- Ее нет. Она уехала к больному отцу.

Еще два часа мучительных болей. Старалась не кричать. Но выдержать такое было просто невозможно.

«Может, со мной что-то не так?» - подумала Зарема, чувствуя, как внезапно закружилась голова.

- Позовите врача, - взмолилась она.

Пришла врач. Посоветовала потерпеть еще, раз решила сама родить, без кесарева. Распорядившись перевести ее в родовой блок, ушла. Кошмар продолжался еще некоторое время. Периодически появлялась акушерка, потом уборкой помещения занялась санитарка.

- Мне очень, очень плохо. Позовите врача! – взмолилась Зарема.

- Врач ушла. Скоро начнется вечерняя смена, придет новый врач, - будничным голосом сообщила санитарка, продолжая протирать пол. Но что-то в облике роженицы ее насторожило, и она побежала за акушеркой. Та принялась звонить врачу. Держа телефон у уха, стала прилаживать тонометр. Померив давление, тут же куда-то исчезла. Прибежала с капельницей. Приладив ее, стала снова звонить врачу. Лежать Зарема уже не могла – боли были ужасные. Встала, схватилась за спинку кровати. И тут заметила, что кровать – в крови, рубашка – в крови, сил терпеть боль дальше нет совсем... Последнее, что она помнит – это как сползала на пол, держа в левой руке капельницу.

- Готовьте операционную... Будем делать кесарево... - услышала она как во сне и потеряла сознание.

Оказывается, у нее поднялось давление. Прибывшая на вечернюю смену врач решила провести операцию – о появлении малыша на свет естественным образом уже и речи не было. Вызвали анестезиолога, как оказалось, бестолкового, потому что в конце своего рассказа Зарема скажет: ««Я слышала, как под окном рыдает мама, и ощущала острую боль, когда меня зашивали...»».

Был бы наркоз качественный, все это роженица слышать не могла. Я здесь опускаю многие детали, звучавшие в рассказе Заремы – не принято у нас вдаваться в такие подробности. Но если попытаться передать все эмоции, передаваемые ее голосом, жестами, глазами, то получился бы сгусток боли, страданий, возмущения, бессильной злобы в адрес тех, кто заставил страдать ее и еще не родившуюся дочь. Малышка прожила всего месяц. Сама Зарема несколько дней находилась на грани жизни и смерти.

При упоминании о тех родах глаза ее матери наполняются влагой. «Я думала, что больше ее не увижу», - говорит пожилая женщина, вытирая глаза. А потом она с улыбкой вспомнила: «Сразу после операции нам передали, что надо отблагодарить анестезиолога и врача, который делал операцию». Деньги родственники, конечно, передали. Поднимать шум не стали – попробуй, докажи, что случай с Заремой – обычная халатность медперсонала, которую из года в год испытывают на себе роженицы, не смея слово молвить в адрес медиков.

Во-первых, ничего не докажешь – за честь мундира вступятся не только сами виновники конфликта, но и администрация, а там – и до стариков дело дойдет; во-вторых, сами роженицы сто раз подумают, прежде чем поднять шум – кто знает, может, им снова придется вернуться сюда, в эти «гостеприимные» палаты...

В качестве послесловия сообщаю: Зарема дала жизнь еще трем детям – мальчику и двум девочкам. Тот роддом она обходила десятой дорогой. Отправлялась рожать в обычную районную больницу (чтобы избежать потока рожениц в родильное отделение той больницы, адреса ее называть не буду). Но при этом хочу повторить слова Заремы: есть у нас прекрасные врачи-гинекологи, и есть замечательные акушерки. Но как сделать так, чтобы они были во всех роддомах? В этом и заключается сложность вопроса.

«В тот роддом меня могут отправить только при сильно помутившемся рассудке»

Это как же надо было обидеть женщину, чтобы она потом произнесла такие слова! Я все понимаю – бывает на работе запарка, бывают минуты, когда что-то нужно сделать срочно, и ты просто физически не можешь за всем поспеть. Это может произойти, когда врач или медсестра на какое-то короткое время оставили больного без опеки. Но это никак не должно стать нормой. А в сегодняшних роддомах вот такое равнодушие к пациентам приобрело системный характер. И это страшно.

Страшно за сестер, за снох, за близких и дальних родственниц, страшно просто за молодых женщин, которым предстоит произвести на свет будущее поколение. Недавно наблюдала такую картину: в одном присутственном месте своей очереди на прием дожидалась молодая мама. На руках у нее – годовалый крепыш, сам по себе очень непоседливый. Рядом с женщиной, как потом выяснилось, в качестве группы поддержки, находилась средних лет женщина, свекровь.

Мальчик время от времени менял место дислокации – от мамы переходил к бабушке и обратно, потом порывался встать на ноги и отправиться дальше, в путешествие по коридору. В это время кто-то открыл окно. Буквально через несколько минут малыш зашелся в кашле, весь напрягся, вены на шее вздулись, лицо покраснело. Бабушка метнулась к окну и закрыла его, потом открыла и форточку.

- Если не закрыть окно, ребенку будет очень плохо, - сказала она, извиняясь.

- Что с ним? - спросила женщина из очереди, обращаясь к матери мальчика. - На улице вроде жарко. Здесь сквозняку неоткуда взяться.

- Это при родах нам такой подарок сделали! – произнесла бабушка в сердцах. Натянув на голову малыша шапочку, стала его укачи-

вать, а молодая мама через некоторое время вполголоса поведала мне историю о том, как родила своего первенца, и, как потом выяснилось, он у нее уже с младенческого возраста почти инвалид – захлебнулся при трудных родах, наглотался родовых масс и теперь у него, оказалось, слабые легкие.

Потом последовал рассказ о том, как без каких-либо опасений за свою жизнь отправилась в больницу, как успокоилась совсем, когда ее будущие роды оказались щедро проплаченными.

«Все будет нормально, не беспокойся», - сказала дежурный врач, а для того, чтобы роды прошли в ее дежурство (ведь все оплачено), решила провести стимуляцию родов. Уколы, капельница, еле слышимый голос врача... Все было замечательно. Общую картину, правда, портили кричащие и стонущие роженицы в соседних палатах и в коридоре.

«Но это – дело обычное в роддомах, надо только немного потерпеть», - успокоила она сама себя, не ведая о том, что с ней будет очень скоро. Боли начались внезапно и застали ее врасплох. Когда они отступили, молодая женщина глубоко вздохнула, полагая, что эта передышка продлится долго. Следующий приступ боли заставил ее вскочить с кровати и схватиться за спинку кровати.

Так продолжалось некоторое время. Сколько – она не помнила. Но явно ощущала, что силы уходят. Старалась не кричать, но время от времени просила:

- Позовите врача...

Врач приходила, осматривала, подбадривала:

- Роды протекают нормально. Еще немного – и все будет позади.

И уходила. Время шло. Женщина по-прежнему молча переносила муки. Палату периодически посещала акушерка, осматривала ее, и по каким-то своим соображениям решив, что пока ее услуги не требуются, уходила. Так прошел день, прошла ночь.

Под утро ее перевели в родильный блок. Там в предродовых конвульсиях метались еще две роженицы. Обе были измучены и обессилены. Акушерка пообещала, что скоро наступят роды и все будет хорошо. Поставила капельницу и ушла, посоветовав немного поспать. Эти слова прозвучали как издевательство. При схватках с интервалом в пару минут уснешь! Сложно описывать, что может чувствовать женщина в эти минуты.

Но бесспорно одно – именно в такой период рядом должен находиться врач. Женщина с ужасом узнала, что врач, которая должна была ее опекать, сменилась. Вскоре ей стало совсем невмоготу, и она стала кричать, уже не стесняясь. Принялась звать врача.

- Что? Что случилось? Чего кричим? - Незнакомая женщина в белом халате осмотрела ее, сообщила, что все протекает нормально, еще пара часов, и все будет позади.

- Ты постарайся отдохнуть, а то сил на роды не будет, - посоветовала врач, выходя из помещения.

И снова – нескончаемые муки, чувство обреченности, обида. Сил, чтобы заплакать, уже не было. Так прошел еще один день. Дальше все проходило без ее участия – кровотечение, операция, капельницы, захлебнувшийся ребенок, суета...

Все смешалось, как в калейдоскопе. Уже потом ей рассказали, как провела несколько дней в реанимации, про ребенка, которого пришлось выхаживать в специальных условиях и которого еле спасли. А до этого малыша долго не могли заставить дышать.

- Вот с тех пор у него проблемы с дыханием. Достаточно малейшего сквозняка, как он тут же начинает задыхаться. Вот такой подарок нам сделали в роддоме, - заключает молодая мама, прижимая к себе на вид вполне здорового ребенка. Это ее первенец. Мысль об увеличении семьи ее бросает в дрожь. Поэтому и позволила себе такую фразу: «В тот роддом меня могут отправить только при сильно помутившемся рассудке».

«Родственники искали меня в больничной палате, а нашли в морге»

А вот рассказ женщины, которая неожиданно нежданно попала в родильный дом раньше положенного срока. Это случилось в доперестроечный период, о котором люди старшего и среднего поколения любят вспоминать как о благословенной во всех отношениях поре.

Помните времена, когда «наш больной был самый здоровый в мире, а наш карлик – выше всех»? Так вот, моя очередная героиня, тогда еще совсем молодая будущая мама, вместе с соседскими женщинами отправилась на традиционные «белхи». Даже широкое платье не могло скрыть ее интересного положения, и, тем не менее, она сумела убедить всех, что лучшее нее никто не справится с работой по выравниванию оконных откосов.

Ей подавали глину, она умело орудовала руками и мастерком. Словом, работа спорилась. Где-то около полудни она вдруг схватилась за спину и шепнула соседке: «Что-то спина заболела, я, пожалуй, спущусь вниз». Посидела, отдохнула, но встать не могла – боль еще больше усилилась. Дальше все складывалось по схеме: «скорая» - хирургическое отделение – операция. Какой-то медицинский светила решил, что у нее аппендицит. А оказалось – почки. Тут же не отошедшую от наркоза больную отправляют под капельницы. Чтобы утихомирить боль в почках, ей дают кучу лекарств, а тем временем ее малыш перестает подавать признаки жизни. Проходит день, два, ребенок не шевелится. Снова - операция. Плод оказывается мертвым. Больную отправляют в реанимацию. Через несколько дней выясняется, что что-то там не сложилось и операцию надо повторить. Во дворе не находят себе места родственники, порываясь увидеть больную. Но реанимация, эта святая святых, для посетителей место запретное. Родственникам оставалось только ждать. Но это был не тот случай, когда следовало пассивно ждать. Поэтому снарядили в хирургическое отделение родственника, который на тот момент работал здесь же, на «скорой». А часом раньше в отделении разыгралась настоящая драма.

Больная затихла, пульса нет, дыхание не наблюдается... Кто-то из врачей констатирует смерть.

Решают отправить ее в морг. И надо же было такому случиться, что тот самый родственник со «скорой» нашу героиню не узнал – до того она изменилась за время пребывания в больнице. Мимо него на каталке провезли, как ему показалось, чужую женщину. Кто-то из медперсонала на ходу набросил на нее простыню, закрыв лицо. А мужчина продолжает разыскивать родственницу. Спрашивает в реанимации, окликает ее в палатах, заглядывает в процедурную... Родственница как в воду канула. Когда вернулся к ожидавшим вестей родственникам, те уже пошли напролом – никаких запретов для них уже не существовало. По отделению метались ошалевшие от неожиданности медсестры, старались сохранять внешнюю строгость врачи, призывая незваных гостей покинуть отделение.

- Где больная, которую вы оперировали? – спрашивали родственники.

- Когда она оперировалась? – спрашивали врачи. А операций-то было несколько. Сначала – по удалению аппендицита, потом извлекли мертвый плод, затем, когда что-то там не заладилось, сделали еще одну операцию. Однозначно ответить на этот вопрос было сложно. Наконец, кто-то из медперсонала подал голос:

- Посмотрите фамилию женщины, которую только что отправили в морг!

Люди в растерянности на какое-то мгновение замолчали.

- В морг?

Это была сестра нашей героини. Снова поднимается шум, дело пахнет нашатырем. Мужчины в сопровождении родственника со «скорой» отправляются в морг. Дальше происходит сцена, заслуживающая пера хорошего драматурга. Венцом же этой истории стала спасенная жизнь нашей героини.

Много времени прошло с тех пор, но те бездарно проведенные операции давали ей знать о себе всю оставшуюся жизнь.

Счастливые роды

Вопрос о том, были ли у нее счастливые роды, я задала самой первой своей собеседнице. Она на некоторое время замолчала. Наверное, перебирала в уме пять своих посещений в то самое учреждение, о котором я столько раз уже упоминала.

- Наверное, самые первые. Когда меня не кесарили...

Вот! Вот оно - то самое откровение! Когда женщина по высшему своему предназначению производит на свет новую жизнь. Пусть в муках, испытывая боль, преодолевая страх... Но – сама! Сегодня роды в больнице сконцентрированы на биологии рождения, но при этом забывают, что в такой же степени они - явление социальное. Не учитывают важность опыта, приобретаемого в родах как матерью, так и зарождающейся новой личностью. Но ведь именно в момент родов начинает формироваться первый опыт общения матери со своим ребенком, устанавливаются первые нити, которые в будущем будут соединять семью в единое целое. В роддомах часто забывают, что ребенка рожают не врачи, не акушерки, не изобретатели инструментов и лекарств, а мать.

В заключение...

Здесь я могла бы выстроить целую вереницу историй, подобных описанным выше. Все они в чем-то похожи. Когда просматривала записи, вывод напросился сам собой: так продолжаться не может. Надо срочно что-то делать. На самом высшем уровне, на уровне тех, кто принимает решение. Пару месяцев назад в нашем обществе получило широкий резонанс выступление Главы республики по местному телевидению. Чувствовалось, что Рамзан Ахматович имеет на руках детальную информацию о положении дел в этой области здравоохранения. Реакция женщин была предсказуема – каждая пыталась вы-

сказаться о наболевшем, рассказать о себе, о своем, почему-то всегда негативном опыте пребывания в роддоме. Как из рога изобилия посыпались рассказы от первого лица. Бери и записывай. Свидетелей по каждому случаю полно. Как говорится, доказывай и наказывай. Но наказания, пусть даже частые, пусть массовые – не выход из положения.

Необходимо создать такие условия, чтобы, попадая в родильное отделение, роженица чувствовала себя в безопасности, огражденной от равнодушия и хамства персонала, защищенной от непрофессиональных, жадных до денег медработников. Как бы мы сейчас не критиковали врачей и акушеров, поддавшись впечатлениям от рассказанного, есть у нас в медицине глубоко порядочные, высокопрофессиональные специалисты. Надо только увидеть их, дать им возможность работать без помех со стороны, почаще рассказывать о них. И чаще обращаться к опыту родовспоможения, существующему века. В связи с этим еще один пример.

Недавно ушла в мир иной пожилая женщина. Ей было далеко за восемьдесят. Она прожила очень трудную жизнь. В годы депортации родила семерых детей и всех потеряла. Как ни цеплялась за их жизнь, как ни старалась облегчить их судьбу, но детей не стало. Последних троих одного за другим похоронила сама, выдолбив в промерзлой земле крошечные могилки. И муж, хворый по жизни, и она сама, были круглыми сиротами, поэтому на помощь родственников рассчитывать не приходилось. Вот так и жили, сами удивляясь, что продолжают еще жить.

Но я – о другом. На похороны той женщины пришло очень много людей. Многие признавались, как она помогла им прогнать болезнь, вправить вывих, вылечить ангину... Но больше всего она преуспела в повивальном искусстве. Всех детей она рожала сама – и тех семерых, что умерли в депортации, потом - троих девочек, которые выжили. Вся округа знала, какая у нее легкая рука. В дом приходила с молитвой на устах. Труднолю-

бывая и ловкая по жизни, кроткая, молчаливая, она безупречно выполняла свои обязанности. Никого не звала на помощь, удалялась с роженицей в отдельную комнату и принималась за дело. Она тихо подбадривала будущую маму, ласковым, воркующим голосом вселяла надежду. Все знали, что там, в той комнате, происходит таинство рождения новой жизни. И когда раздавался первый крик малыша, все разом вздыхали с облегчением. А потом, через определенное время, домочадцы могли увидеть прибранную роженицу, запеленатого младенца. Женщина делала наставления домочадцам и тут же уходила. Все это я слышала от женщин, которые пришли проводить умершую в последний путь. И упоминаю об этом, чтобы поделиться мыслью, которая мне пришла в голову в процессе подготовки данной статьи. Пусть простится моя дремучесть в этом вопросе, но, может, в качестве эксперимента стоит ввести в наших роддомах единицу повитухи? Пусть это будет вот такая соседка, пусть будет известная в округе целительница. Пусть она ничего там, в стенах роддома, не предпринимает, но пусть она будет рядом с роженицей. Не должны оставаться будущие мамы один на один с той реальностью, которая сегодня существует в наших родильных домах.

Вам такая мысль кажется бредовой? Но она мне пришла на ум, и я решила ею с вами поделиться...

Тамара Чагаева

Эссе Елены Сердюковой

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ на некоторые семейные неурядицы

(Ненавязчивый анализ чужой семейной жизни, как-то подозрительно похожей на вашу собственную ...)

Они жили долго и счастливо, пока однажды не повстречали друг друга...

Все счастливые семьи счастливы одинаково, а каждая несчастливая пара несчастлива по-своему. В разных вариантах эту фразу употребляют достаточно часто. Но так ли она верна? Или с чьей-то легкой руки она стала просто модной комбинацией слов? Ведь, скорее всего, все несчастливые пары несчастливы одинаково, потому что уж очень похожи предпосылки, задающие тон их совместной жизни. Итак, попробуем порассуждать на примере одной семьи, как ксерокопия похожей на огромное количество подобных, если, конечно, это занятие не является для вас скучным и утомительным.

Она вышла за него замуж, потому что полюбила, и продолжает с ним жить, потому что замужем. А как же иначе? Ну, ссоримся, ну, попивает – а с кем такого не случается?

Она живет с ним, потому что с ним жить можно, потому что их жизнь соответствует ее представлениям о семейной жизни. Она согласна, что без него ей было бы намного легче, но ведь она замужем, а значит, так тому и быть.

Он женился на ней, потому что, как ему казалось тогда, полюбил, и продолжает с ней жить, потому что женат. Он согласен, что без нее ему было бы менее удобно, но ведь такая жизнь размерена до тошноты, предсказуема до безобразия. А потому и глаза у него часто невеселые, и бывает, делится он с друзьями: «Вот не могу понять, все у меня с ней вроде бы хорошо, ни в чем упрекнуть ее не могу, а счастья мне с нею – нет». Смотрят на него друзья и понять не могут: «Чего ему еще нужно? Жена справная, несвоенравная; дом в порядке, летом на грядке; когда нужно – поцелует, сколько нужно – поревнует. Счастье, да и только!». А ему скучно, да к тому же испытывает он от такого счастья легкую грусть и воодушевленное желание выпить. И начинает он искать за пределами семьи то, чего ему в семье не хватает: новые впечатления, любовные сомнения и переживания, загадки человеческих взаимоотношений.

Она нашла в его телефонной книжке незнакомое женское имя. Первая реакция была неожиданной даже для нее самой: ей хотелось наброситься на него с кулаками, кричать, чтобы он убирался к той, другой. Она долго сидела, держа телефон в руках, испытывая

непреодолимое желание позвонить по этому номеру и боясь подтверждения своих самых страшных предположений.

Он пришел домой далеко за полночь, отказался от ужина и сразу же лег спать, даже не подозревая, какая буря противоречий бушует у нее в груди. Более того, если бы он узнал об этом, то сильно бы удивился, потому что считал свое поведение нормальным. А как же иначе? Ведь именно так ведет себя большинство его друзей.

Говорят, что склеенная посуда – уже не посуда, и прерванные отношения уже никогда не будут прежними. Но ведь любовь – не тарелка. И хотя их отношения сейчас трудно назвать семейными, скорее, они живут на одной территории, и каждый играет свою роль, где он – главный герой, а она – массовка. Но и это уже кое-что.

Есть одно важное правило, которое хорошо знают практикующие психологи: человек противится любым изменениям, потому что боится их, и тому есть множество причин, выявление которых не является целью нашего сегодняшнего размышления. Более того, он никогда не будет меняться добровольно, пока не произойдет нечто, делающее эти изменения жизненно необходимыми.

Она как будто взглянула на свою жизнь со стороны, и то, что она увидела, воодушевления ей не принесло. Зато появилось непреодолимое желание что-то изменить – в себе, в своей жизни вообще, в своих взаимоотношениях в семье. К черту привычные бытовые схемы! Пусть сегодня не выстиран ковер и в раковине на кухне забыта оставленная после завтрака посуда, зато она разучила с ребенком новое стихотворение, и они вместе смастерили из картона забавную игрушку. Она была поражена и растеряна от того, что испытывает от этих занятий неизвестное до сих пор удовольствие. И даже на мгновение проснулось чувство вины за то, что она, взрослая женщина, позволила

себе ползать по ковру, как ребенок. Но это ложное чувство быстро исчезло, когда ребенок с гордостью сказал отцу, показывая поделки: «А это мы с мамой сегодня смастерили!»

Он был удивлен и даже несколько растерян, неуклюже держа в руках маленький и хрупкий бумажный домик, и этот первый признак зарождающегося интереса подкреплялся открытым и радостным детским взглядом, в котором светилась гордость за себя и за маму. Его поразила ясная глубина детских глаз в обрамлении кокетливых пушистых ресниц, и он с благодарностью взглянул на жену, вдруг отчетливо ощутив, что они – самые родные ему на свете люди. И пусть не сегодня, и даже не завтра, но все же скоро эта семья будет мастерить что-то уже в полном составе.

Все хорошее начинается с того, что по хорошему начинаете вести себя вы. Начинаете вести себя светло, улыбочиво, когда нужно – серьезно, с теплотой и уважением к людям, и, обязательно – с уважением к себе.

Ей помогло то, что она вовремя вспомнила одну бесспорную истину:

Бороться нужно – не против,

Бороться нужно – за!

И здесь хороши любые средства: и мудрая дипломатия, и выгодная торговля, и бодрая армия, если, конечно, использовать их разумно. Что мы, женщины, при желании очень хорошо умеем!

Елена Сердюкова

КОРМЯЩАЯ ЖЕНА И МАЛОЛЕТНИЙ МУЖ

Году эдак в 1988-м сидели мы с подругой поздним вечером в редакции. Дежурили по номеру и припозднились. А по Руставели уже ходили бородатые люди, водили толпы, скандировали дерзкое и грозное. И вот подруга моя говорит: «Представляешь? К чему всё это идёт? Ведь вот так по всем 15 столицам Союза волна, ведь уже не удержат, и всё это развалится». И как в пропасть глянули — странно и жутко нам стало, что вот оно разваливается уже, начался распад, очевиден.

Вот сидят девчонки и разговаривают

— Муж нудит: я тебе нужен только ради денег. Только что руки не заламывает: ах, только деньги нужны тебе от меня! Анекдот в том, что уже хороших лет пять, как он ничего не зарабатывает. Когда я однажды сказала, что в таком случае хорошо бы ему сократить расходы на спиртное и сигареты, он страшно обиделся.

— Мой взялся за бизнес — пролетел, долго залечивал самолюбие, пил. Попутно всё время рождал проекты. Один другого замысловатее — и чтоб сразу заработать много. Проекты геологические, археологические, кладоискательские... Собираются несколько «концессионеров», шебуршат, ходят друг к другу, перезваниваются. Посмотришь: мальчишки-подростки. Где бы им взять остров сокровищ. А мужикам — в районе полтинника. Детство не кончается.

— Мой пьёт. Всю жизнь я боролась, и ценой постоянного напряжения проблему можно было держать в узде. Потом она вырвалась, пошли годы беспредела, наконец я скрутила его и на аркане повела к наркологу. Год не пил, даже радовался. Но продлить лечение не стал — сам, мол. И всё вернулось. И, в общем, он разрушился. Говорит глупости. Ревнует. Стал пустым, как целлофановый пакет.

— Нет, девчонки, я сейчас просто лопну от смеха. Ну ты представь себе картинку: ты лежишь на диване каждый день пьяная, вся в табаке, в драных джинсах и мятой кофте, невымытая-нечёсаная. А он в парфюме и рулит и в материальном плане, и психологически, и эмоционально. И женщины вокруг него клубятся. А ты лежишь пьяная на диване! Год лежишь, два, полжизни. Скажите — на какой день нас пинком под зад вышвырнули бы из дома?

— Твой пьёт, твой в экспедиции, твой ревнует! А мой тоже ревнует! Но не к мужчине. Он меня ревнует к успеху, к деньгам, к моей карьере. Ну вот если я заработаю немножко и принесу или накоплю всего, например, — то не надо мне уж слишком сиять и радоваться. А то можно ненароком повредить его мужское достоинство.

— Ой, девчонки, хоть поржать с вами! У нас дома после разных переездов как-то долго не было дивана в общей комнате. Никак купить не получалось. Просто на полу лежал ковёр, а на нём подушки — и так мы телевизор смотрели. И вот наконец купили диван. Говорю: это тебе, дорогой. Теперь ты у меня настоящий мужчина. Укомплектованный.

— Боже, а сколько они едят! Нет, ну правда, девчонки. Это шкурный разговор, конечно, но раз уж к слову пришлось, чисто экономически. Ну им же каждый день обед нужен — мясо там, рыбу нормальную. Без этого они голодные ходят. Мой когда уезжает, у нас с дочкой огромная экономия. Слушайте, ну разве это не эксплуатация?

— Слушайте, вот все они говорят о ревности. Мой меня даже сучкой назвал пару раз. Но скажите честно — какие у меня основания быть ему верной? Кому? Зачем? На основании чего? Мои дети говорят: разведись. Конечно, надо разводиться. Как-то не хочется оставаться с грубым стариком, да ещё прислуживать ему. Нет, девчата, моя старость будет сухенькая, чистенькая, с тихой музыкой, с походами в театр. И замуж больше — ни ногой. Хватит.

Девчонки мои не все разговаривают в натуре. Что-то сказано, что-то написано в письме, о чём-то проплакано на плече. Я сижу и думаю: когда началась катастрофа? Не вчера же, не позавчера.

Году эдак в 1988-м сидели мы с подругой поздним вечером в редакции. Дежурили по номеру и припозднились. А по Руставели уже ходили бородатые люди, водили толпы, скандировали дерзкое и грозное. И вот подруга моя говорит: «Представляешь? К чему всё это идёт? Ведь вот так по всем 15 столицам Союза волна, ведь уже не удержат, и всё это развалится». И как в пропасть глянули — странно и жутко нам стало, что вот оно разваливается уже, начался распад, очевиден. Это казалось нам самым большим катаклизмом, который прорисовывался впереди. Уже просматривались будущие голодные годы, и войны, и криминальный беспредел. Но главной беды мы не видели. А именно: огромную трещину, которая пройдёт по нам самим. И в эту трещину — кто сразу, а кто постепенно — пойдёт ко дну огромная часть населения. В эту трещину ухнут наши отношения, эмоции, доверие, оптимизм. Что трещина пройдёт по семье.

А мы боролись! Девчонки-то боролись, ещё как! Мотались челноками, изучали компьютеры, пекли булочки и торговали хот-догами. Одевались в секонд-хендах, ходили седые и беззубые. Умудрялись даже рожать детей. Умудрялись держать дома в чистоте и уюте. Не скажу, что мальчишки наши сразу стали такими. В купоновое время и они ринулись на толчки и барахолки, сделались таксистами и торговцами. И кое-кто преуспел. Но только мало кто. Как-то обветшали и пообвалялись коммерческие идеи, пообманывали друг друга, а то и постреляли. Прошла череда взаимных долгов и разборок. Кто-то прятался, кто-то настигал и требовал. Куча семей потеряла жильё. Кто-то враз, а кто-то постепенно — меняясь на ухудшение, донёлся до подвала. Таких немало — кто их подсчитал?

Но ежели жильё сохранено и материальное положение хотя бы минимально выправлено — что же произошло? Я смотрю и вижу: тянут-то женщины! Мама — на двух работах. Папа — в свободном поиске. Мама — в

Греции-Турции в домработницах, папа — за нардами во дворе. Мама — за компьютером до поздней ночи, папа — за просмотром телепередач. Каждый из них скажет, что это просто период такой выдался, не везёт. Периоду лет 10—15—20. И все пьют — массово. Коллективно и в одиночку, кому как нравится. А уж когда пьяный — не ищи ни совести, ни здравого смысла. Ушёл, спрятался. Не так стыдно, не так больно. Дым. Анестезия.

А ведь это катастрофа

Как она случилась? Если бы продлилась та формация, то мужчины продолжили бы приносить в мозолистых ладонях получку и аванс, и их пьянство оставалось бы в приемлемой физиологической норме. Но всё рухнуло, обвалилось. Из-под обломков вылезли на свет Божий мужчины и женщины, вывели детей. Первые, в горячке и шоке, сначала бросились что-то делать, не получилось, разуверились, быстро угасли. Вторые следили с ними с надеждой, болельщицы, лезли помогать.

Мужчины хотели сразу и много. Женщины были согласны на минимум. Мужчины не хотели понижать свой статус. Женщины были готовы на всё. Лишь бы накормить детей, купить игрушку, сводить в парк. И вот эти мелкие, муравьиные усилия — купить за лар и продать за лар десять, мыть чужие окна, стоять с барахлом на рынке, эти униженные, по сути, заработки, на которые пошли учительницы, пианистки и инженерки, — эти усилия дали немножко хлеба. Детям уже не грозила голодная смерть, и мужчины расслабились. Ведь они устали! А женщины поняли, что кроме них — некому. Это называется быть единственным кормильцем. На юридических языках всех стран это называется именно так.

Но не скажите это их мужьям. Они страшно обидятся.

Галина Петриашвили

ПРО ЛЮБОВЬ

Дети часто об этом спрашивают

— Ты меня хоть любишь? — кричит сын Василий, когда я прошу его сделать то, что он не хочет, — уроки, уборку...

Дети часто об этом спрашивают. И остаются совершенно равнодушными, когда им отвечаешь: «Конечно, люблю», «Не говори глупости», «Как ты можешь такое спрашивать?» и тому подобное. Я до сих пор спрашиваю у мамы, любит ли она меня...

Мама была четвёртым ребёнком. Первый — мальчик — умер сразу после родов. Вторая — девочка Ляля — была совершенно чудесной. Доброй, улыбчивой, ласковой. Помогала маме мыть посуду и любила возиться с тестом — усердно раскатывала маленькие кружочки и слепливая их в пирожки. Ляля умерла от пневмонии. Девочке было шесть лет. Потом родилась моя мама — полная противоположность Ляле. Мама была упряма и неуправляема. Дерзила, хамила и кидалась в драку. Терпеть не могла заниматься домашним хозяйством — ей было проще разбить тарелку, чем помыть. Бабушка гоняла её по двору то крапивой, то мокрым вафельным полотенцем.

А потом родился сын — Костик. Бабушка чуть сама не умерла от счастья. Мальчик был золотой — умный, красивый, талантливый. Первый парень на деревне — лучше всех плавал, больше всех отжимался. Бабушку — журналиста — письмо звало в дорогу. Она нажаривала детям таз пышек и уезжала на три-четыре дня. Пышки кончались в тот же день, и мама вставала к плите — кормила себя и брата. Приезжала бабушка и кидалась к сыну. Похудел? Не болен? Как дела? Маме доставались упрёки за плохо вымытый пол — стулья надо поднимать, а не отодвигать.

Костика провожали в армию всем селом. Бабушка надела ордена. Девушки плакали и обещали ждать. Мама не успевала носить тарелки. Костик уходил служить на флот. Прислал фотографию — высокий, загорелый, весёлый, он стоит и держится за мачту или как там у них это называется. Через год службы пришла телеграмма — нужно забрать тело. Костик погиб. Утонул.

Бабушка тогда не поседела — поседела она ещё на войне, а облысела. Волосы выпали ключьями. Сохранилась фотография — мужчины пытаются закрыть гроб, бабушка не отпускает тело сына из рук, а мама тянет бабушку за руки назад.

Бабушка перестала работать. Её больше не звали в дорогу чужие письма. Она ушла в типографию, в горячий набор — сидела и смотрела, как машины укладывают на бумагу буквы. Бум-ту-дум. Бум-ту-дум. Под эти звуки ей лучше вспоминалось — как Костик упал с велосипеда, а потом ещё раз и на коленке остался шрам, как Костик ложился спать с грязными ногами, как он пил какао и не вытирал «усы», а облизывал языком, а она ругалась...

Мама готовила, убирала, полола грядки, возила урожай продавать на рынок и уезжала, когда письмо звало в дорогу. Правда, выбирала соседние сёла, чтобы мать не заметила. Подписывалась она именем и фамилией матери. Непонятно для чего. В редакции и так все всё знали. Героям репортажей было всё равно. А бабушка ничего не замечала.

— Мама, так нельзя, — уговаривала мама бабушку.

— Вот странно, тебя меньше всех любила, а ты жива... — ответила бабушка.

Бабушку хоронили по традициям того села, где она жила. И по тем традициям дочь должна была сутки просидеть в комнате, где стоял гроб.

— Что ты делала? Плакала? — спросила я не так давно.

— Ругалась. Скандалила, — ответила мама.
— Сидела возле гроба и ругалась. Она мне так нужна была, а она взяла и умерла. Я ведь никого, кроме неё не любила.

— А меня?

— Ты моя жизнь.

— А Вася?

— Вася — моя страсть.

Мне всегда казалось, что мама меня не любит. Когда заставляла меня мыть полы, поднимая, а не отодвигая стулья. Когда учила готовить. Когда отправляла в новую школу, в другой город, к незнакомым людям...

Это была безумная любовь. Только благодаря ей мне ничего не страшно в жизни. Я могу умирать, голодать, болеть, но перед этим над кроватью повешу коврик, а на тумбочку поставлю вазу с цветами. И буду знать имена детей сестры-хозяйки, чтобы получить лишнюю порцию манной каши. Я не пропаду. И пышки нажарю. Точно такие же, как жарила бабушка.

Вася стоит в вестибюле роддома. Они с отцом приехали меня встречать. Вася путается в ногах и дёргает ручку двери. До этого он лежал с температурой сорок. Врач сказала, что это на нервной почве. Дома я кормлю новорождённую девочку — Вася уже большой, и я прошу его выйти из комнаты и закрыть дверь. Я вижу, как он смотрит. Это мой взгляд. Муж его называет «вся скорбь еврейского народа». Мне хочется его обнять, посадить на колени и поговорить. Но на руках плачет девочка, Сима, которая не может ухватить грудь.

Вечером Вася застывает в проёме двери.

— Что ты хочешь? — спрашиваю я — Сима только-только уснула.

— Ты... можешь полежать со мной?

— Ты же уже взрослый! — говорит муж. Он страдает, оттого что не может лактировать и на время кормления вынужден выпускать дочь из рук.

Вася уходит. Он не плачет. Плачу я.

Вася нашёл своего старого медвежонка и обнялся с ним. Я ложусь, прижимаюсь.

— Ты меня хоть любишь? — спрашивает он.

— Больше жизни, — отвечаю я.

— А Симу?

— И Симу. Только тебя как мальчика, а её — как девочку.

— А кого она будет любить больше всех?

— Тебя.

Вася достаёт сестрёнку из коляски и, внимательно глядя ей в глаза, говорит: «Я твой старший брат. Я тебя люблю».

Все говорят, что дочь похожа на папу. Но когда она поворачивает голову, так, чуть с наклоном, — становится копия бабушки. То есть прабабушки. Я это вижу. Это увидела и мама. Она взяла её на руки и прижала. Так крепко, что я думала — раздавит. Она ей что-то прошептала на ушко. Я не стала спрашивать что. Она часто уходит в себя. Мне кажется, до сих пор ругается с бабушкой. Или не ругается, а рассказывает ей про правнуков.

Маша Трауб

http://www.chaskor.ru/article/pro_lyubov_10490